

детально исследует характер применения *συωνή* (римского *coemptio*), по которой обложение поземельной податью в натуральной форме было заменено денежным на основе золотого исчисления и был установлен новый порядок сбора этого важнейшего налога с общин: взимание налогов с мелких землевладельцев было изъято из ведения декуррионов и предоставлено виндикам-откупщикам, что сильно увеличило доходы византийского государственного казначейства. Как отмечает Штейн, в 498 г. было уничтожено *aurei lustralis collatio*, причем ущерб, понесенный от этой меры казной, был с избытком возмещен реформой *coemptio*. Автор исследует далее монетную реформу Анастасия, укрепление системы *ἐπιβολή* (*adiectio*). При Анастасии, как показывает Штейн, не только зачастую уничтожались правовые различия между *ἐπιβολή ὁμοούλων* и *ἐπιβολή ὁμοκλήτων*, но посредством *adiectio* неводеланные земли присоединялись к возделываемым владениям. Эдиктом префекта претория Зотика это было запрещено. Кроме того, Анастасий издал указ, запрещающий применение *ἐπιβολή ὁμοκλήτων* к владениям, управлявшимся *comitiva sacri patrimonii*.

Излагая (в пятой главе) события от смерти Анастасия I (518) до вступления на престол Юстиниана I (527), Штейн вносит мало нового в обычное для буржуазной историографии освещение этого периода, если не считать его вряд ли обоснованной попытки пересмотреть общепринятый среди буржуазных византиноведов взгляд на личность Юстина I, которого все историки справедливо расценивают, как жалкую посредственность.

Вся остальная часть книги (стр. 275—780) Штейна посвящена правлению Юстиниана I. Прежде чем приступить к анализу отдельных сторон деятельности императора, автор дает общую оценку личности Юстиниана I, которого он, следуя принятой буржуазными историками традиции, безмерно идеализирует. В оценке юстиниановской внешней политики Штейн допускает ряд нелепостей. Так, говоря о значении войн Юстиниана I, он утверждает, что „без византийского завоевания Италии нельзя понять ни подъем венецианского могущества, ни образования Неаполитано-Сицилийского государства, первого государства нового времени (*sic!*)“ и что „еще в XII в. западная политика императора Мануила Комнина носит отпечаток „империализма“ (кавычки мои.—Б. Г.), возникающего при Юстиниане“ (стр. 277). В описании Штейна Юстиниан наделяется страстью к славе, которая, оказываясь, побуждает его ко многим „благородным“ действиям, любовью к богословским исследованиям, в которых он мог показать свою „эрудицию“, стремлением лично редактировать издаваемые им законы и т. д. В то же время автор пишет о терпимости Юстиниана к критике, о его скромности, расточает похвалы якобы исключительной трудоспособности императора (стр. 278—279), его заботам об единстве религии, его руководству по кодификации законодательства. Идеализация Юстиниана давно уже стала традицией у буржуазных византинистов, и ничего оригинального в этом отношении работа Штейна не дает.

Очерк о внешней политике Юстиниана рисует картину завоевательных войн Юстиниана (имевших целью, как полагает автор, превратить Средиземное море в „*mare nostrum*“), а также его оборонительных войн, задачей которых было преградить натиск славянам в пределы империи. Собранный автором материал показывает, что славяне серьезно угрожали империи. Опираясь на данные многих источников, в том числе и таких, которые ранее никем не были использованы, Штейн отмечает, что болгары овладели в Иллирике тридцатью двумя